

яснением его мысли может служить приведенное выше высказывание о том, что не является еретиком тот, «кто не по упрямству своему и противлению духу святому и власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит и за сию душу свою полагает».⁸⁴

Вера сводится им, по существу, к соблюдению человеком божественных заповедей, к чему он имеет склонность от природы: «... такожде и сохранению заповедей божиих по естеству человек склоняется». Белобоцкий доходит даже до мысли о том, что склонность к добру побеждала бы в человеке и помимо божественных заповедей и без посредства церкви: «Обаче некая аще малая искра божественного света осталась в нем, воеже аще бы и заповедей божиих или церковных не было, обаче по наставлению естественнаго разума мощно розознать благое от злаго».⁸⁵

Подобные высказывания позволяют говорить о близости воззрений Белобоцкого к идеям «естественной» и безоткровенной религии деистов.

Пантеистические идеи в философии, стремление освободить философию от опеки богословия, пропаганда независимого от богословия светского знания, элементы рационалистической критики церковных учений и, наконец, страстное выступление в защиту веротерпимости — эти черты мировоззрения Андрея Белобоцкого определяют историческое значение его литературно-просветительской деятельности в России.

Именно это обусловило резко враждебное отношение к нему ревнителей «древлего благочестия», стремившихся во что бы то ни стало сохранить безраздельное господство церкви и религии в культурной жизни страны. Этим же объясняется и та поддержка, которую встретил он со стороны стремящихся к светскому просвещению прогрессивных кругов русского общества. Просветительская деятельность Белобоцкого способствовала созданию определенных идеологических предпосылок петровских преобразований, в частности его идеи веротерпимости предвосхищали религиозную политику Петра I.

Но, приняв участие в подготовке крутого поворота в развитии русского просвещения и культуры, Белобоцкий неизбежно должен был оказаться в стороне от основной линии развития просвещения после осуществления петровских преобразований.

Новая русская культура не ограничилась высвобождением науки и просвещения из-под духовного господства церкви и религии. Победа светского знания означала прежде всего усвоение наиболее прогрессивных традиций европейской культуры. Требовалось прежде всего конкретное знание, требовалось всемерное развитие естественных и технических наук. А именно в этом и не был силен автор «Великой науки Раймунда Люллия», чьи естественнонаучные представления не шли дальше средневековой схоластической премудрости.

Не случайно поэтому в XVIII столетии, на пороге которого писал Белобоцкий свое крупнейшее философское сочинение, вкладывая в него всю свою незаурядную эрудицию выученика иезуитской коллегии и приверженца Майориканской академии, русское просвещение прошло мимо этого главного труда его жизни: «Великая наука» так и не дошла до типографского станка.

Но оставленная в стороне людьми просвещенными, она приобрела неожиданную популярность у «неученых искателей науки»; те, кому недоступно было образование, пытались найти корень знаний в секретах «Люллиева искусства». Именно этим и была обусловлена долгая жизнь «Великой

⁸⁴ Там же, л. 77—77 об.

⁸⁵ Там же, лл. 132 об.—133.